

Му Цинфэн обернулся и взял Вэньсинь за руку, даже не взглянув на Гу Шаобая. Легко щипнув её за подбородок, он произнёс:

— Это третий сын из дома Гу, Гу Шаобай...

Вэньсинь, с бровями, подобными далёким горам, и глазами, словно осенняя вода, в свете лампы выглядела невероятно очаровательно. Она внимательно осмотрела Гу Шаобая.

— Так это и есть тот самый молодой господин Тинфань, чьё имя гремит в Цзинлине? Я давно слышала о вас, но никак не могла встретиться. Не ожидала, что увижу вас здесь.

Гу Шаобай почувствовал досаду. «Так это и есть молодой господин Вэньсинь! Как же он красив! Не думал, что Му Цинфэн привезёт Вэньсинь с собой в северные пустыни. Видимо, она действительно занимает особое место в его сердце!»

Он с надеждой посмотрел на Му Цинфэна. Тот лукаво улыбнулся и небрежно сказал:

— Ради Вэньсинь сегодня я тебя прощаю.

Гу Шаобай почувствовал облегчение. Он поспешно снял пояс, хотел выбросить его в окно, но, не желая навлечь на себя ещё больше обвинений в непочтительности, решил оставить его в карете. Однако пояс был мокрым от слюны, что было крайне неловко. В итоге он свернул его в комок и сунул за пазуху.

Он потёр слегка одеревеневшие щёки и искренне улыбнулся:

— Изящный и величественный, свежий и возвышенный — молодой господин Вэньсинь, вы действительно удивительный человек!

Вэньсинь, словно не замечая предыдущих действий Гу Шаобая, внимательно его разглядывала. «Так это и есть тот юноша, о котором говорил Юй Шисань, которого Му Цинфэн так выделяет?»

Что касается внешности, Гу Шаобай не мог сравниться с Вэньсинь. Её красота была невероятной, её глаза феникса сверкали жизнью, черты лица были безупречны, а каждое движение излучало естественную грацию.

Вэньсинь ответила лёгкой улыбкой. В «Павильоне Ялю» она видела множество прекрасных юношей, но этот, хоть и не был невероятно красив, всё же притягивал взгляд. Его чёрные глаза были особенно большими, яркими и чистыми, словно они могли проникать в душу человека. Эта чистота была настолько искренней, что никто не мог её осквернить, а их ясность напоминала глубокий горный источник, сквозь который можно было увидеть его чистую душу.

Из-за слабого здоровья его губы были бледными, лишь в уголках рта виднелась тонкая линия розового цвета. Его лицо, словно белый фарфор, казалось, состояло только из чёрных и белых оттенков.

Вэньсинь, закончив осмотр, улыбнулась:

— Давно слышала, что третий господин Гу славится своим мастерством в музыке и живописи. Не будет ли мне позволено насладиться вашим искусством?

Гу Шаобай замер. Играть на цитре в Лавке Фаньюань он был вынужден, и с тех пор больше не

прикасался к инструменту. Во-первых, он ежедневно ломал голову над тем, как спасти Му Люняня, как избежать Му Цинфэна и как спасти свою семью, и у него не было времени на подобные развлечения. Во-вторых, игра на цитре вызывала у него болезненные воспоминания. Вспоминая, как в прошлой жизни он и Му Цинфэн сыграли дуэт и как та самая цитра «Цзюсяо Хуаньпэй» стала символом их любви, он чуть не сломал себе пальцы.

Он ещё не успел отказаться, как увидел, что Му Цинфэн открыл дверь кареты и что-то приказал Чжоу Пиню. Вскоре цитру принесли внутрь — ту самую, которую он так хотел разбить, «Цзюсяо Хуаньпэй».

Смотря на семиструнный инструмент, он почувствовал, как его охватывает удушье. Грудь словно опустела, и холодный ветер проник в каждую жилку, вызывая бурю эмоций, которые он не мог контролировать. Он глубоко вдохнул, с трудом сглатывая ком в горле, и с трудом произнёс:

— Шаобай давно не практиковался, он заржавел... Я знаю, что молодой господин Вэньсинь мастер в этом деле, и не хочу позориться перед вами. Давайте... лучше не будем...

Сказав это, он, не обращая внимания на мрачный взгляд Му Цинфэна, пополз к двери кареты, опустив голову. Краем глаза он снова увидел их соединённые руки и хрипло произнёс:

— Не хочу мешать вашему высочеству и молодому господину Вэньсинь. Я удалюсь.

Му Цинфэн отпустил Вэньсинь и вдруг схватил Гу Шаобая за тонкое запястье. Он не стал его удерживать, но и не давал ему уйти.

Гу Шаобай изо всех сил пытался высвободиться из его железной хватки, но, даже когда кости запястья уже готовы были сломаться, он не смог сдвинуться с места.

Он сам не понимал, почему так отчаянно хотел уйти. Их многозначительные взгляды, их соединённые руки — всё это ранило его сильнее, чем стрела, пронзившая его живот.

Он упрямо тянул руку, не сводя глаз с двери кареты, которая была так близко. Кости запястья скрипели, но он, казалось, не чувствовал боли, готовый скорее сломать кости, чем сдаться.

Наконец, Му Цинфэн сдался. В этот момент хрупкость костей в его ладони внезапно причинила ему острую боль.

Гу Шаобай задержал дыхание, открыл дверь и, спрыгнув с кареты, чуть не упал, но его поддержал Чжоу Пин.

Караван остановился на отдых.

Гу Шаобай сел на обочине дороги, обхватив колени. Ноющая боль распространялась по руке, проникая вглубь его тела. Он смотрел на закат, где небо постепенно окрашивалось в золотисто-красные тона.

Ярко-красное солнце медленно опускалось за горизонт, а на небе, словно горы и море, нагромождались разноцветные облака. Зелёные холмы под лучами заката теряли свою пышную жизненную силу, обнажая тёмные хребты.

Уставшие птицы пролетали над верхушками деревьев, всё дальше и дальше, направляясь к своим гнёздам.

В этот момент третий господин почувствовал себя одиноким.

Нежные чувства Му Цинфэна, даже если они были искренними, рано или поздно исчезнут из-за его постоянных отказов и сопротивления. И именно этого он и добивался.

Он бесчисленное количество раз хотел забыть всё, что было в прошлом, начать с чистого листа и двигаться вперёд.

Но за эти дни он убедился лишь в одном: «Корни любви, посаженные в прошлой жизни, уже выросли в огромное дерево, сплетённое в моём сердце, и в этой жизни их уже не вырвать!»

«Если не получается вырвать, то и не стоит тратить силы. Возможно, только когда эта жизнь действительно закончится, всё вернётся к нулю!»

Раздались звуки цитры, мелодия «Южный гусь» как нельзя лучше подходила к моменту!
«Оказывается, Вэньсинь тоже неплохо играет! Значит, не только он может быть её близким другом!»

В карете изящные пальцы Вэньсинь легко скользили по струнам, и мелодия цитры идеально заглушала их разговор.

Му Цинфэн небрежно дал Вэньсинь задание:

— Ты сам отправься в Крепость Феникса. Когда я был там в прошлый раз, было слишком темно, чтобы всё рассмотреть, но я заметил, что дома построены особенно аккуратно и прочно. Несколько десятков разбойников — зачем им строить такие крепкие дома? Люди князя Пояна не так внимательны, как ты. Посмотри, нет ли там каких-то улик.

Вэньсинь, не переставая играть, подняла глаза и с виной в голосе сказала:

— Ваше высочество, вы не сердитесь на меня за то, что я знала, но не сказала всё?

Му Цинфэн допил чай из чашки и спокойно ответил:

— Мне нужна только преданность. Если ты не говоришь, значит, у тебя есть причины. Я сам всё узнаю.

— У Фан Сяоаня остался сын. Найди его, — он поставил чашку. — Есть ли новости от людей, отправленных в уезд Хоян?

Вэньсинь ответила:

— Пока ничего нового, всё ещё ищем.

— Начни с Сунь Биньцзы. Хотя уезд Хоян и Префектура Аньян далеко друг от друга, но, судя по письмам, найденным у Сунь Биньцзы, это, вероятно, дело его людей. Или, возможно, он сам лично возглавлял операцию.

Тем временем в столице, в резиденции канцлера, был человек, который чувствовал себя как на иголках.

Чёрный, с закрытым лицом, Гуаньсинь стояла, склонив голову, словно каменная статуя, неподвижно ожидая новых приказов от Ван Сыдао.

Ван Сыдао уже долго ходил по комнате, не решаясь принять решение.

— Господин, вам нужно срочно решить. Если Гэ Чуньхуэй и Сунь Биньцзы будут доставлены в столицу, всё будет потеряно. Хотя жена и дети Гэ Чуньхуэя находятся под вашим контролем, нет гарантии, что он ради спасения собственной жизни не пожертвует ими. Сунь Биньцзы тем более. Как он мог быть таким глупым и оставить переписку? Это же прямая улика...

Ван Сыдао остановился и злобно уставился на Дуань Яньчэня:

— Гэ Чуньхуэя можно убить, но Биньцзы — нет.

Дуань Яньчэнь, под его ядовитым взглядом, отшатнулся. Он понял, что задел больное место Ван Сыдао.

Сунь Биньцзы внешне не имел никакого отношения к Ван Сыдао, и лишь немногие знали, что он на самом деле был его приёмным сыном.

Ван Сыдао, осознав, что слишком бурно отреагировал, смягчил тон:

— Биньцзы... он не может умереть. Надо найти другой способ...

Его глаза блестели, а внутри он чувствовал острую боль. Сунь Биньцзы, оставшийся без отца в детстве, скитался, пока Ван Сыдао не спас его. После этого он выделил ему особняк, приложил огромные усилия, чтобы нанять учителей, которые обучали его литературе и военному искусству, а когда тот вырос, изменил его личность и, действуя в тени, постепенно возвёл его на нынешнюю позицию.

<http://bllate.org/book/16730/1538796>